

Глава 15. Мандариновые пирожные

Сунь Сюэдао проснулся. Он открыл глаза, уставившись в мрачный, потемневший потолок, и попытался пошевелиться. Железные звенья цепей отозвались глухим, тяжелым лязгом.

Инстинкты подсказали ему, что звук изменился. Он яростно рванул оковы раз, другой, однако цепи больше не подавались у самого основания, как бывало прежде, а держались намертво, словно вросшие в скалу.

— А! А-а! — захрипел старик, забившись в путах.

Но цепи отзывались лишь холодным лязгом. Проборовшись так какое-то время, он выбился из сил, затих и принялся безучастно разглядывать потолок.

Спустя некоторое время дверь отворилась, и в комнату заглянул Ху Лэ.

— Старик? — тихо позвал он.

— А-а! — раздалось в ответ.

Свет светильника рассеял полумрак. Вместе с Ху Лэ вошел Цан Доушань. Юноша, державший лампу, взволнованно поглядывал на спутника.

Снова зажгли благовония «Поднимающие пыль» — те самые, что остались с прошлого раза. Сунь Сюэдао дернулся пару раз и затих. Цан Доушань поднес к губам флейту. Из-под его пальцев полилась нежная, умиротворяющая мелодия — она журчала, словно чистый ручей, бегущий по камням.

Струйка чужого сознания проникла в духовное море старика. Там клубился тяжелый кровавый туман и бушевали яростные волны. Обрывки воспоминаний хаотично метались в этом безумном багровом водовороте. Цан Доушань продвигался вперед с величайшей осторожностью, замирая от страха и пытаясь выудить хоть какие-то крупницы истины.

По большей части попадался лишь бесполезный мусор, а нужные крохи оказались настолько мелкими, что собрать их воедино стоило огромных усилий. Но общая картина все же прояснилась: старик и сам не знал, откуда взялось пронзившее его копье, зато отчетливо помнил, как злейший враг лишил его языка.

Тот палач собирался замучить бедолагу до смерти, медленно и изощренно. Но стоило ему вырезать язык, как кто-то со стороны вмешался и предостерег его. Мучитель отступил, однако перед этим насильно скормил пленнику личинки ядовитого гу. С того дня разум старика угасал, пока безумие не поглотило его без остатка.

Сунь Сюэдао наверняка знал, кто именно спас его тогда, но его духовное море сейчас бурлило так яростно, что оставаться там дольше было опасно. Цан Доушань поспешил убрать свое сознание. Как раз вовремя — благовония почти догорели.

Он медленно опустил флейту. Лицо его оставалось хмурым.

— Ну как? — взволнованно спросил Ху Лэ. — Скоро он поправится?

— В его голове живет паразит, — Цан Доушань понимал, что дело дрянь. Виды гу, способные лишить человека разума, встречались редко. Излечить это можно, но снадобья стоят баснословных денег — дороже, чем сам яд.

— Исцелить-то можно, да только не на что, — вздохнул Цан Доушань. — Снадобье безумно дорогое. Пока старик буянит, придется поить его мафэйсанем. Когда лекарство перестанет действовать, зажигай мои благовония. А к тому времени, как и они перестанут помогать... глядишь, у нас и заведутся нужные деньги.

Ху Лэ посмотрел на безмятежно спящего старика и вдруг тихо усмехнулся:

— Значит, все опять упирается в деньги.

Цан Доушаню оставалось лишь промолчать — возразить на это было нечего.

Когда Ху Лэ закрывал за собой дверь, Сунь Сюэдао тихо, по-детски захныкал. Створки сошлись, и в камерке воцарилась глухая тишина.

Когда они вышли во двор, Цан Доушань негромко спросил:

— Ты хоть понимаешь, по какому пути идешь? Какую технику развиваешь?

Взгляд Ху Лэ оставался обезоруживающе чистым:

— Знаю, конечно. Обычное самосовершенствование. Я нашел записи у старика в лохмотьях. Наверное, у меня просто есть способности — дело движется на удивление быстро.

Услышав это, Цан Доушань так и не решился открыть юноше горькую правду: тот по незнанию практиковал темные методы. Первые врата духа уже открылись, и отныне их пути на великом тракте бессмертных неизбежно расходились в разные стороны.

— Занимайся этим, если хочешь, — вздохнул Цан Доушань. — Но запомни раз и навсегда: никогда не показывай свои умения на людях. Иначе накличешь беду, которую не расхлебашь.

Ху Лэ, судя по всему, не придавал его словам особого значения.

— Да понял я, — беззаботно отозвался он.

Что ж, оставалось лишь уповать на волю неба. Свою долю долга он исполнил.

Вэйшэн положил новому помощнику вполне щедрое жалованье, да еще и предоставил кров с пропитанием — условия по здешним меркам невиданные. Разумеется, старые работники лавки тут же начали завистливо шептаться. Он, впрочем, пропускал эти пересуды мимо ушей.

Раз хозяину перечить никто не решался, всю злость старые слуги срывали на Ху Лэ. На юношу взвалили работу за троих, не давая ему ни минуты передышки. И пусть благодаря тренировкам его тело окрепло, от бесконечной пахоты он таял на глазах — за короткое время парень сильно исхудал.

К тому же каждый день он выкраивал время, чтобы навестить сумасшедшего старика и вывести его погреться на солнышке. Из-за этого злые языки чесались еще сильнее. Ху Лэ не мог ввязаться в драку и устроить скандал, а потому лишь молча сносил обиды.

Цан Доушань, разумеется, прекрасно видел, что происходит.

Сам он не знал, как уладить дело, поэтому пошел к Вэйшэну. Тот лишь недовольно фыркнул:

— А я-то что сделаю? Люди всегда завидуют чужому добру, такова их паршивая природа. Ты сам притащил этого парня! Я и так плачу ему сполна, а в придачу мы терпим буйного сумасшедшего под боком!

— Ну ладно, решить не можешь, но приструнить-то их ты в силах? — не отступал Цан Доушань.

— И как, по-твоему? Выгнать их всех? Наберем новых — те тоже примутся кости перемывать. На чужой роток не накинешь платок, пускай болтают.

Цан Доушань вспыхнул:

— А если они доведут старика и тот опять сорвется с цепи?! Что тогда делать будешь?

— Тогда вышвырнем его на улицу! — в сердцах рявкнул Вэйшэн.

Цан Доушань изменился в лице. Вэйшэн тут же понял, что сболтнул лишнего, но слово — не воробей. Не успел он подыскать слова, чтобы загладить вину, как собеседник ледяным тоном произнес:

— Хорошо. Я понял.

Он развернулся и стремительно вышел вон.

«Обиделся, что ли?» — растерялся Вэйшэн.

«Пустит ли он меня теперь в теплую постель или придется ютиться на жестком топчане?»

К счастью, прогонять его на жесткий топчан Цан Доушань не стал. Однако вид у него был настолько неприступный, а от всей его фигуры веяло таким холодом, что находиться рядом было неуютно.

Жить в такой молчаливой вражде не хотелось. Промаявшись полночи, Вэйшэн несмело потербил его за плечо:

— Молодой господин?

Цан Доушань лишь сильнее натянул одеяло, всем своим видом показывая нежелание общаться.

— Ну послушай, — тихо вздохнул Вэйшэн. — Ты просто не понимаешь. Люди так устроены: им поперек горла встает, когда у кого-то дела идут лучше. Ну что я мог поделать?

— Эй? Ты спишь?

— Спи уже, — глухо отозвался Цан Доушань и затих.

«И правда обиделся...» — проворчал про себя Вэйшэн. Он посильнее закутался в свое одеяло и отвернулся, чувствуя, как на душе скребут кошки.

Оба в ту ночь спали скверно.

Промучившись раздумьями, Цан Доушань решил разрубить этот узел одним махом. Он настоял на увольнении самого ядовитого сплетника, а его обязанности переложил на Ху Лэ. Теперь юноша вертелся как белка в колесе, едва успевая работать, тренироваться и присматривать за стариком.

Вдобавок Цан Доушань начал привлекать парня к созданию новых ароматических смесей. Он терпеливо учил его отличать редкие травы, объяснял разницу в свойствах растений и показывал, как правильно рассчитывать пропорции, чтобы добиться наилучшего эффекта.

Постепенно в глазах оставшихся слуг Ху Лэ превратился в доверенное лицо и будущего

управляющего Обители Бессмертного Чайника. Сплетничать и строить козни за его спиной больше никто не решался.

Небольшая гроза утихла, однако лед между Цан Доушанем и Вэйшэном так и не растаял. Из-за этого у Вэйшэна даже пропал обычный задор при подсчете дневной выручки.

«Так продолжаться не может», — решил он наконец.

Покрутившись у печи, он приготовил целое блюдо мандариновых рисовых пирожных. С самым невинным видом принес лакомство прямо к рабочему столу, где Цан Доушань как раз взвешивал ароматные порошки.

— Хочешь угоститься?

— Нет, — сухо отрезал тот, даже не взглянув на поднос.

Вэйшэн подцепил палочками одно пирожное и настырно поднес к его губам:

— Ну попробуй, очень вкусно получилось, правда.

Цан Доушань недовольно поморщился:

— Клейкий рис слишком тяжелый для желудка.

— Вовсе нет. Я добавил сок вяленой мандариновой корки, он улучшает пищеварение, а муку взял самого тонкого помола. Они буквально тают во рту. Ну же, один кусочек!

Цан Доушань нехотя принял пирожное с палочек. Проглотил, но лицо его по-прежнему оставалось недовольным.

— Ладно, одного хватит. Не мешай мне работать.

— Да разве это еда? Погляди на них — крошечные, размером с фалангу мизинца! От такой малости вреда не будет, — заворковал Вэйшэн, ловко отправляя ему в рот второе пирожное, следом третье, четвертое...

В итоге к вечеру Цан Доушань понял, что ужинать не сможет физически. Желудок был забит под завязку.

И во всем был виноват этот проныра!

Кое-как впихнув в себя пиалу жидкого рисового отвара, Цан Доушань еще немного повозился с новыми добавками и лег спать. Вэйшэн, закончив сводить дневную выручку, тихонько забрался под одеяло.

— Молодой барин? — шепнул он.

— Чего тебе? — буркнул Цан Доушань.

— Да ничего. Просто так позвал, — Вэйшэн устроился поудобнее, тихонько шурша одеялом.

Ночь наконец выдалась спокойной.

<http://bllate.org/book/18329/1793215>